

*Все совпадения имен
и событий преднамеренны.
Ничто не случайно*

*Есть люди, которые умеют смотреть в будущее.
Есть люди, которые умеют смотреть в прошлое.
Есть люди, которые умеют смотреть в настоящее.*

Но мало кто умеет смотреть и в будущее, и в прошлое, и в настоящее одновременно.

Таким человеком был Гэрберт Уэллс, опередивший свое время и пространство. Человек, которого при жизни признавали то гением, то безумцем, то виртуозным мошенником.

Я убил этого человека.

Я — Николас Тэсла — начинаю свою исповедь...

Если бы кто-нибудь сказал Марии Кюри, что через пятьдесят лет открывшая ею радиоактивность приведет к появлению мегатонн и overkill'a¹, то она, может быть, не отважилась бы продолжать работу — и уж наверняка не обрела бы прежнего спокойствия духа. Но мы притерпелись, и никто теперь не считает безумными людей, которые оперируют в своих расчетах мегатрупами и гигапокойниками.

Станислав Лем, «Глас Господа»

ГЛАВА 1

Вербовка

Меня зовут Николас Тэсла, и я агент по особым поручениям британской короны. Родился я в Сербии. Отца и мать своих не помню, до шестнадцати лет жил в приюте, после чего меня взял на воспитание дядя Стефан, который хранил светлую память о моем отце, своем брате. Дядя служил по торговой линии в английской мануфактурной компании и большую часть времени колесил по свету, работая в торговых представительствах то в Индии, то в Северной Америке, то в Бразилии. Когда же он решил, что с него достаточно кочевой жизни, и вернулся домой, то обнаружил, что вся его родня умерла во время эпидемии холеры, а единственный племянник живет в приюте, куда его поместили за отсутствием ближайших родственников. Он ни минуты не сомневался и

¹ Избыточное уничтожение (*англ.*).

оформил надо мной опеку. От дяди Стефана я узнал, что мой папа был православным священником, а моя мама дочерью священнослужителя. Так что на роду у меня было написано продолжить семейное дело и возглавить один из приходов, только эпидемия переписала мою судьбу.

Дядя Стефан много рассказывал о моем отце, и постепенно у меня сложился портрет мудрого и благородного человека, к которому шли все жители города и окрестных деревень за советом и поддержкой. Он не только проводил службы, но и помогал людям с семейными и соседскими спорами, решая их, подобно царю Соломону, справедливо и мудро, так что никто не уходил обиженным. Про маму мою дядя Стефан рассказать ничего не мог, поскольку знал ее плохо. Когда мама с отцом поженились, он уже продавал индусам готовые ткани и закупал у них хлопок.

Моя жизнь с дядей мало чем отличалась от жизни моих сверстников. Главное, у меня была семья и дом. Самое яркое впечатление юношеских лет — девочка Салли, дочь британского офицера в отставке, живущая по соседству. В нее были влюблены все окрестные мальчишки. Не избежал и я этой участи. Это было чудесное, счастливое время, которое я старался не вспоминать. Поскольку любые воспоминания причиняли мне боль. Возможно, поэтому я больше никогда не возвращался в родной город. Салли рано умерла, от чахотки. Сгорела в считанные недели у нас на глазах. Я остро переживал эту утрату. Еще больше дядя Стефан переживал за меня, поскольку видел мои душевные терзания. Он пытался мне помочь, но это было не в его силах.

После достижения совершеннолетия меня призвали на службу в австро-венгерскую армию. Я и полови-

ны срока не отслужил, был комиссован по состоянию здоровья. Последствия заболевания холерой дали о себе знать. Я оказался свободным человеком на перекрестке. Настала пора определиться мне с выбором жизненного пути. Еще в реальном училище я подавал большие надежды в естественных науках, сильно опережая своих сверстников. Отчего учителя подозревали во мне вруна и списывальщика и каждый раз во время проверочных работ пытались поймать меня за руку. Не может сын священника разбираться в алгебре и геометрии, в химии и физике. Он должен знать Библию как свои пять пальцев и на большее не посягать. Деревенское мышление, унаследованное из Средневековья.

С одобрения дяди Стефана я поступил в инженерно-технический техникум в Граце, где собирался изучать электротехнику. Новое направление технологий, которое успешно развивалось и давало большие перспективы на будущее. Первое время я с головой ушел в учебу, не вылезая из библиотек. Но, как водится, студенческая жизнь увлекла меня. Соблазны окружали юного студента на каждом шагу. К тому же вокруг было полно моих сверстников, которые тянули меня развлекаться, а не вдыхать вековую пыль ученых фолиантов. И вот уже вечеринки, вольнодумные речи, легкодоступные женщины и азартные игры затащили меня в свой водоворот. К последним у меня образовалось особое пристрастие. Я легко стал игроманом. Только за карточным столом я чувствовал себя живым, таким же цельным и счастливым, как в годы юношества, до того как умерла Салли.

После смерти родителей я получил солидный счет в банке, который, пока я находился в приюте и жил с дядей, обрастал процентами. Получив к нему доступ,

я тратил из него деньги только на обучение, пока не подцепил эту роковую страсть к игре. Вскоре я промотал львиную долю полученных денег, попробовал остановиться, но каждый раз мне казалось, что именно сейчас фарт повернется ко мне лицом и я смогу разбогатеть. Кого я обманывал? Меня не интересовали деньги. Меня интересовала только сама игра, сам азарт, когда сердце стучит в груди как проклятое, когда в голову ударяет кровь, когда в твоих руках ВСЁ и вот сейчас ты можешь это ВСЁ потерять. Для меня не было ничего более притягательного и упоительного, чем игра. Рядом с ней любая искусная на любовные ласки женщина казалась пустышкой.

У меня еще оставалось кое-что на счету в банке, когда я проигрался в прах. В тот злосчастный день я играл с какими-то студентами и чиновниками, по крайней мере, так мне показалось. Выигравший банк потребовал у меня долговую расписку, которую я обязался погасить в течение месяца. Когда я покинул игровой стол и вышел на улицу, сыпал мелкий снежок, пар вырывался изо рта, светила полная луна, но я ничего этого не видел. Передо мной была только адова пропасть, в которую я медленно, но неизбежно погружался.

Денег в банке мне не хватило бы, чтобы покрыть даже половину той суммы, под которой я подписался. И хотя впереди было без малого тридцать дней, чтобы найти недостающую часть, я прекрасно понимал, что мне ее не собрать. Я мог бы обратиться за помощью к дяде, он не отказал бы. Но мне было унижительно и стыдно признать, что я промотал все состояние, которое родители так долго и упорно копили. Выбросил его в помойку, спустил на ветер, размазал по игорному столу картонными карточками с цветными картинками.

Я отправился в кабачок «Приют монаха», где изрядно накачался кислым пивом. Сидел, пока меня не попросили на выход, расплатился, ушел и отправился к реке. У меня возникла мысль, что лучший выход из сложившегося положения — утопиться в Муре. Было тяжело на душе и очень обидно оттого, что жизнь заканчивается так глупо и так рано.

До Мура я не добрел. Оказался в полицейском участке. Добрые служители закона увидели пьяного в хлам студента, сшибающего фонарные столбы, и решили, что в холодке тюремной камеры ему будет лучше, чем в другом питейном заведении, куда горячая голова меня непременно занесет, где недолго до скандала, а потом и до пьяного погрома. Утром меня отпустили, выписав символический штраф, и я вернулся домой, где меня ждал хмурый человек неприметной внешности, который изменил мою судьбу.

Он назвал себя господином Флуменом и заявил, что ему все известно о моих финансовых бедах. Он готов их решить за небольшую любезность, которая может ему потребоваться в будущем. Как оказалось, соглашаясь на предложение Флумена, я избежал одной адовой пропасти, но угодил в другую.

Обжегшись в игре в первый раз, я надолго прекратил играть, хотя тяга к картам у меня осталась. Но я старался заменить ее чем-то другим. Какое-то время я выпивал, позабыв обо всем на свете. И чуть даже не вылетел из техникума за неуспеваемость, но в дело вмешался дядя, которого оповестили о моих систематических загулах преподаватели. Они верили в меня, видели во мне человека и профессионала своего дела, и им было обидно, что я так бездарно трачу свою жизнь и талант. Дядя приехал и навел порядок в моей голове и душевной организации. Я не мог объяснить ему, что

загулами я пытался заменить тягу к игре, но он натолкнул меня на мысль, что научными исследованиями я также могу заглушить влечение к картам.

По окончании инженерно-технического техникума я поступил на службу в правительственную телеграфную компанию в Будапеште. Впоследствии эта служба и страсть к науке привели меня в Континентальную компанию Эдисона, штаб-квартира которой располагалась в Лондоне. На Эдисона я проработал без малого семь лет, и думать совершенно забыл о существовании господина Флумена.

Я жил в хорошей квартире в престижном районе города. У меня появилась женщина и собственные научные изыскания, которым я посвящал все свободное время, появились и друзья-сослуживцы, с которыми мы иногда перекидывались в карты, никогда на деньги, только на интерес, за стаканчиком-другим ирландского виски или бокалом молодого шабли. Прошло столько лет, и я уже не испытывал былого влечения к игорному столу, поскольку все мои душевные силы были отданы науке. Я справился со своим недугом.

Жизнь вошла в свою колею. Я задумывался о том, чтобы переехать в Америку, где передо мной открывались широкие научные перспективы. Я вовсю обсуждал этот вопрос с Маргарет, как и то, когда мы поженемся, когда появление господина Флумена перечеркнуло все мои планы.

Я обедал в маленьком семейном кафе, размышляя над рабочими вопросами, когда за столик подсел человек, показавшийся сперва мне незнакомым. Сколько лет прошло с момента нашей последней встречи — целая жизнь. Только когда он представился, события прошлого всплыли в моей памяти. Вот так грехи молодости неожиданно настигают тебя в то время, когда,

кажется, стабильность жизни уже ничто не способно поколебать.

Флумен заказал себе чашечку кофе и круассан. От кофе он сделал один глоток. К круассану же не приронул, хотя, надо признаться, здесь пекли самые вкусные круассаны в Лондоне. Мадам Жилман знала в них толк. Вот уже тридцать лет она совершенствовала свое мастерство.

Между мной и Флуменом состоялся весьма любопытный разговор:

— Некоторое время назад я решил ваши проблемы в обмен на обещание оказать мне любезность, — напомнил он мне.

— Это вы очень скромно выразились. Прошло уже прилично времени. Я и думать забыл о грехах юности, — ответил я.

— Время не имеет значения. Вы отказываетесь от своего обещания? — в голосе Флумена прозвучала угроза.

— Никоим образом. Фамилия Тэсла — честная фамилия. Я никогда не отказывался и впредь не намерен отказываться от своих обещаний. Обещал любезность, значит, окажу любезность, — я постарался придать своему голосу максимальную невозмутимость.

Но Флумен не обратил на мою холодность внимания.

— Приятно иметь дело с честным человеком. В наши дни это весьма редкое явление.

Флумен достал из внутреннего кармана пальто конверт и протянул его мне.

— Когда останетесь один, прочтите. Здесь подробные инструкции миссии, которую вам предстоит выполнить. Если кратко, то вам предстоит проникнуть в кабинет президента Континентальной компании

Эдисона Люка Форетти и из его сейфа достать папку с чертежами. Она синего цвета и помечена шифром «ТО31030891». В этой папке нас интересует всего один документ, какой именно — вы найдете информацию в инструкции. Этот чертеж вы должны вынести и доставить мне. Завтра я буду ждать вас в это же время в этом же месте. Собственно, и все.

Флумен цинично улыбнулся.

Признаться честно, мир передо мной перевернулся с его словами. Сегодня утром жизнь моя была стабильной, как гора Килиманджаро, но теперь я сидел и хватал ртом воздух, понимая, что если я выполню требования этого господина, то никогда уже жизнь моя не станет прежней. Если бы время можно было повернуть назад, я бы все отдал, чтобы зашить себе рот и ни слова не обещать Флумену. Я подозревал, что это имя не настоящее, да и кто он такой, кто за ним стоит, я не знал. Я ничего не знал об этом господине.

— Вы понимаете, что если я сделаю это, то на моей карьере у Эдисона можно будет ставить крест, — прошипел я.

Флумен брезгливо поджал губы и возразил:

— Сдался вам этот Эдисон. Вы самодостаточный человек и ученый, господин Тэсла. Зачем вам эти оковы?

— Это же кража? Вы понимаете, что это подсудное дело? — продолжал я переживать.

— Вам ничего не угрожает. В офисе президента сегодня никого не будет. У него сегодня банкет по случаю... впрочем, это неважно. Мы сделаем все, чтобы он задержался на банкете и у него и мысли не появилось поработать на ночь глядя. Так что вам все карты в руки.

— Что будет, если я откажусь?